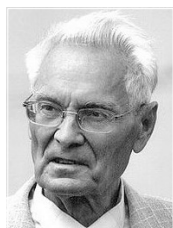

МОИ ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ С СЕРГЕЕМ ТИМОФЕЕВИЧЕМ КОНЕНКОВЫМ

К.М. Долгов*

После окончания аспирантуры Института философии АН СССР (в начале 1960-х гг.) меня пригласили преподавать философию, эстетику и культуру в Институт общественных наук при ЦК КПСС, где обучались руководители коммунистических и рабочих партий многих стран. Мне приходилось читать лекции представителям Греции, Италии, Испании, Франции, Бразилии, Аргентины, Египта, Южной Африки и других стран. В то время Советский Союз приковывал к себе внимание всего мира: как к революционным изменениям политической системы и режима, так и в особенности к достижениям в области науки, образования, литературы, искусства и культуры в целом. Молодежь стран Запада и Востока стремилась учиться в наших учебных заведениях, справедливо полагая, что советская система образования является лучшей в мире.

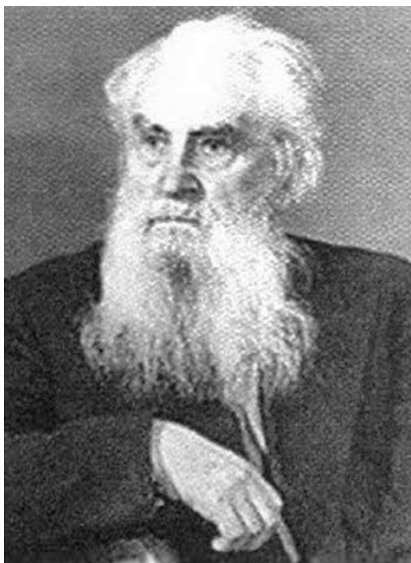
Социально-политические и экономические достижения: реальное равенство людей, мощная социальная защита трудящихся, бесплатное всеобщее образование, здравоохранение и т.д. – делали

нашу страну образцом для социально-политического развития других стран, и надо отметить, что абсолютное большинство народов мира и их интеллектуальная и культурная элиты не просто открыто выражали свои симпатии к Советскому Союзу, а стремились всегда и во всем поддерживать наши начинания и успехи. Я не говорю уже о том, что советские достижения в космосе вызывали буквально всеобщее ликование.

Не удивительно, что все, кто приезжал в нашу страну, старались не только посетить наши прекрасные музеи, но и встретиться с выдающимися учёными, деятелями культуры лично. Например, по просьбе ряда руководителей коммунистических и рабочих партий мне было поручено организовать встречу с Ильёй Эренбургом, что и было сделано. Подобные просьбы поступали относительно встреч с другими деятелями культуры, в том числе с С.Т. Коненковым. При моей первой встрече с Сергеем Тимофеевичем Коненковым я был поражён, прежде всего, его внешним видом: это был настоящий русский богатырь в одежде русского крестьянина, с величественным обликом старца или даже библейского пророка, а в чём-то и напоминавшего

* Долгов Константин Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

облик Льва Толстого, и вместе с тем, как выяснилось при разговоре, простого, доброжелательного, любезного и в высшей степени деликатного человека, который сразу становился близким, радушным и приятным собеседником. Он принимал меня в своей мастерской.

Прежде чем сесть за стол, он провёл для меня настоящую экскурсию, показывая и рассказывая, когда, где и как он создавал то или иное своё произведение. Это заняло не менее часа. Я с огромным удовольствием слушал его сокровенные рассказы о создании каждой из находившихся в мастерской скульптур, о рождении замыслов, о трудностях их осуществления и почти о невозможности достижения поставленных целей. В отличие от других выдающихся деятелей искусства, Сергей Тимофеевич поразил меня ещё и тем, что эти откровения носили глубоко философский, а точнее, теософский характер. Спокойный и свободный рассказ о своем творчестве представлял по существу изложение определённой логики его мыслей и действий, связанных не только с тысячелетними традициями отечественного искусства и культуры, но и с традициями многотысячелетнего развития искусства и культуры древних народов Востока и Запада. Говорил он не спеша, и каждое его слово содержало глубокий смысл.

Я был просто поражён тем, что он, как само собой разумеющееся, высказал положение о том, что в искусстве нельзя рассматривать человека как нечто изолированное от всего существующего. Напротив, человек – это только небольшая часть, пусть и достаточно высокоразвитая, существующего мира и даже миров, то есть всей Вселенной, всего космоса, и поэтому, продолжал Сергей Тимофеевич, он пытался создавать образы человека в тесной связи с образами всех других существ, всей природой, живой и неживой, со всем космосом. Так, например, появились его «лесные» серии и образы, связанные с идеей космоса.

Переходя от одного произведения к другому, Сергей Тимофеевич раскрывал передо мной их суть, воочию показывал, какой гигантский труд надо было вложить в создание даже небольших по размеру образов. При этом он иногда замечал, что тот или иной образ – это не первый, не второй и не третий вариант, ибо очень трудно уловить внешнее соответствие внутреннему духу образа. При создании образов он стремился к тому, чтобы формы выражали реальное содержание, при этом форму он понимал как некую совокупность существенных элементов содержания, а содержание – как органически оформленное целое.

После такой головокружительной экскурсии он пригласил меня к столу и, прежде чем усадить на какие-то деревянные сиденья, он пояснил, что создал эту серию ещё в Соединённых Штатах, пытаясь выразить живой дух природы, таящийся в растительном мире, особенно в лесах, в вековых деревьях. Я впервые видел подобные произведения, и моему удивлению не было границ. Он подробно и терпеливо разъяснял мне не только суть каждого из этих реальных и символических образов, но и в целом жизнь духа природы, как он это видел и понимал. Его отражение он видел в старичках-лесовичках и других сказочных и фантастических персонажах и реальных обитателях лесных просторов – в зверях, птицах, рыбах, змеях и т.д.

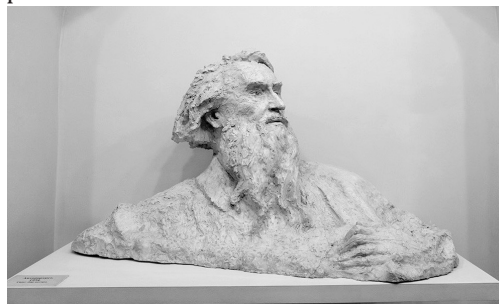

Наша беседа продолжилась за столом, где Сергей Тимофеевич стал излагать свое миропонимание, мироощущение как художника-философа. Он высказал столько интересных идей, что я в конце попросил его встретиться ещё раз, поскольку мне необходимо было время, чтобы основательно обдумать всё, что я услышал, а при новой встрече выяснить то, что я воспринял недостаточно глубоко. Такое обещание было получено, и через некоторое время мы снова встретились.

На следующей встрече я уже просил Сергея Тимофеевича поподробнее рассказать о некоторых его произведениях и прежде всего о его знаменитом автопортрете. Автопортрет любого художника, повторил я известное высказывание, почти всегда рассматривали как нечто нескромное, некую гордыню, чрезмерное восхваление себя. Помолчав некоторое время, Сергей Тимофеевич сказал: существует бесконечное количество мемуаров политиков, военных, учёных, деятелей культуры и т.д., представляющих как краткое, так и многотомное описание жизни. При этом та или иная особенность характера человека рас-

сматривается иногда со многих сторон. Разумеется, некоторые мемуары содержат в себе налёт нескромности, гордыни, излишнего возвеличивания себя. Если те, кто пишет мемуары, имеют широкие возможности описывать свою жизнь подробно и обстоятельно, то скульптор объективно строго ограничен в средствах выражения, прежде всего материалом.

Я могу создать автопортрет или из мрамора, или из дерева, или из металла, или из гипса, или из глины, при этом я должен создать только один, настоящему подлинный экземпляр. Мой автопортрет – это попытка выразить мою жизнь, мой внутренний дух, мой ум, мою душу и сердце, то есть истину моей жизни, её сокровенный смысл. Истина всегда конкретна и всегда одна, истин не бывает много. Вот почему автопортрет доставил мне самые большие трудности для реализации. Ибо мне нельзя было нигде покривить душой. Я не должен был нигде сказать неправду. Я обязан был избежать даже мельчайшего намёка на ложь и вместе с тем хотел показать всё своё творчество, взлёты моего духа, вдохновение, нисходившее на меня неизвестно откуда, истоки тех необычайных сил, духовных и физических, которые были необходимы мне для создания образа.

Вы, как философ и эстетик, – продолжал Сергей Тимофеевич, обращаясь ко мне, – только представьте себе, как можно в одном образе, без всякой фальши выразить всю жизнь, все мои размышления, муки, терзания, удачи и разочарования. Постичь весь мир, всю вселенную, живую и неживую природу, в том числе и человека, чтобы все, кто будет смотреть на это произведение, могли постигнуть

хотя бы часть смысла моей жизни. Откровенно говоря, я иногда сомневаюсь в том, что мне это удалось. Скажу больше: чем дольше я вглядываюсь в автопортрет, тем чаще начинаю сомневаться. Может быть, это нехорошо, но чем больше я живу, тем чаще закрадывается сомнение в том, что я чего-то не постиг, что-то не воплотил так, как надо было, и не сделал чего-то главного, существенного из того, что надо было сделать. Но, видимо, такова суть подлинного творчества.

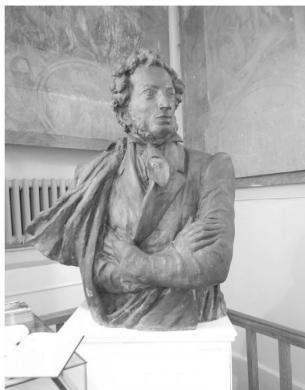
На очередной встрече я усердно задавал вопросы относительно конкретных произведений, посвящённых известным деятелям науки и культуры. Прежде всего, я спрашивал о портретах А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, И.П. Павлова, М. Горького, С.В. Рахманинова, Ф.И. Шаляпина, Г.С. Улановой, И.С. Баха, Н. Паганини и многих других. Сергей Тимофеевич ответил, что русская классическая литература и русское искусство были в центре его внимания с раннего возраста, ибо их представители ставили в своих произведениях самые универсальные и фундаментальные философские проблемы – жизни и смерти, добра и зла, любви и ненависти, истины и лжи, праведности и греха, веры и безверия, смысла жизни и др.

Поэтому их мироощущение и миро-созерцание были ему всегда близки. Во всей мировой литературе, отмечал Сергей Тимофеевич, мы мало найдём таких писателей и поэтов, которые выражали

бы самые сокровенные и важные для человека вопросы и размышления, составляющие истоки развития человеческого сознания и бытия. Каждый из них внёс огромный вклад в отечественную литературу, искусство и культуру, можно ли было пройти мимо таких гениев! Конечно, каждый из них был по-своему оригинален и неповторим, но все они были мне всегда близки, и я в своём творчестве часто обращался к их идеям, мыслям и образам.

Я заметил ему, что его произведения, посвящённые великим музыкантам, весьма сильно отличаются от образов, созданных другими художниками. Вы даёте не классическую фигуру во весь рост, а только голову или голову с рукой, держащей скрипку – речь шла соответственно о Бахе и Паганини. Дело в том, отвечал скульптор, что музыка есть одно из самых потаённых, внутренних и потому трудно выражимых видов искусства, поскольку она являет собой состояние души и сердца человека, и это проявляется прежде всего и полнее всего в лице, в глазах, в мимике, и, естественно, в дви-

А.С. Пушкин

С.В. Рахманинов

Н.В. Гоголь

жениях рук. Именно поэтому внешней скупости образов Баха и Паганини достаточно, чтобы выразить их внутреннюю суть как творцов, авторов гениальных музыкальных образов.

Меня интересовал также вопрос об особом отношении С.Т. Коненкова к дереву как к материалу. Сергей Тимофеевич снова напомнил мне, что земля есть живое существо, и леса играют в её жизни особую роль. В этом смысле дерево является идеальным материалом, поскольку оно излучает тепло, мягкость, нежность, радость. Оно незаменимо для выражения женских образов, обнажённого женского тела. Об этом свидетельствует портрет его жены и фигура молодой обнажённой женщины, которые предстают как живые, нежные, чистые существа. Эти образы с наибольшей полнотой выражают суть женщины: любовь, нежность, чистоту, красоту.

Иисус Христос

Дерево также послужило материалом и для создания библейских образов, в частности, образа Иисуса Христа. Зритель как бы является свидетелем чуда: на его глазах из ствола дерева появляется Спаситель, он видит Его лик, Его руки,

стопы, Христос предстаёт как богочеловек, который приходит в мир, чтобы принять грехи всех людей на себя и спасти их от гибели. Это произведение оказывает невероятное по силе воздействие на души и сердца зрителей. Образ Христа для Коненкова был основополагающим, он считал, что человек без веры, по существу, ещё не является человеком, ибо любые, даже высшие ценности, если они не основываются на вере, теряют свой смысл. Возможно ли настоящее вдохновение без веры? Вряд ли. Может ли художник творить и создавать величайшие произведения, не имея веры? Вряд ли. Могут ли произведения искусства быть истинными и прекрасными, если творец лишен веры? Может ли жизнь художника иметь смысл, если у него нет веры?

Иисус Христос

Мы также обсуждали вопросы, связанные с методами в искусстве: реализм, формализм, модернизм и т.д. С.Т. Коненков в силу широты своего мироощущения, миросозерцания и мировоззрения полагал, что искусство нельзя догматически сводить ни к одному из подобных методов. Разумеется, сердцевиной всего является реальная жизнь, но что такое реальная жизнь, как она осознаётся, как она выражается человеческим сознанием? И в этом суть вопроса. Философские и теософские взгляды Коненкова определяли такой реализм, который предполагал не грубое, прямолинейное, жёсткое отражение реальности, а напротив, такое изображение и выражение объективной реальности, которое предусматривает

различного вида символы, деформации, схемы, способные, не уничтожая и не развенчивая реальность, глубже, тоньше и совершеннее выражать ее сущность. То есть создавать как бы новые образы, но в органической связи с этой реальностью. И Сергею Тимофеевичу создавать подобные образы вполне удавалось.

В заключение мы опять договорились о встрече, и он подарил мне хорошо изданный каталог его работ с автографом, в изыскестве которого я также почувствовал отблески его таланта скульптора. Он долго прощался со мной, словно не хотел отпускать, неожиданно что-то вспоминал и рассказывал, затем снова прощался, и так повторялось несколько раз, как будто он чувствовал, что это была наша последняя встреча. Действительно, мы больше не встречались, поскольку через некоторое время С.Т. Коненков скончался.

P.S. Я много лет не посещал мемориальный музей-мастерскую С.Т. Коненкова. С огромным волнением я переступил порог, вошёл в вестибюль, затем в его мастерскую, и на меня нахлынули вос-

поминания о наших встречах и беседах. Я посмотрел вокруг, все произведения, как и прежде, находились на своих местах, и мне показалось, что вот-вот появится и сам хозяин. Я снова переживал испытанное когда-то неповторимое чувство встречи с шедеврами гениального скульптора XX в. Немного успокоившись, я стал как бы заново знакомиться с волшебным искусством Сергея Тимофеевича Коненкова.

Отрадно было видеть, что в этом музее-мастерской сохранилось так много произведений Сергея Тимофеевича Коненкова. Музей таким образом хранит в себе дух творчества скульптора, атмосферу того времени, когда он творил. Здесь можно освободиться от всякой суеты, мишуры, домыслов, подчас связанных с его именем, семейной жизнью. И обратиться к размышлениям о вечном, непреходящем, сокровенном. О его высоком искусстве, возвышающем человека и утверждающем высшие духовные ценности. Основополагающие проблемы, которыми занимался Сергей Тимофеевич Коненков, остаются, как и всегда, нерешёнными. Но в этом и заключается смысл самой жизни человечества, как и смысл жизни настоящего художника.

Попытки решить проблемы пространства и времени всегда кончались для человека поражением. Однако это такое поражение, которое снова и снова вдохновляет людей на новые попытки решения вечных проблем. В этом – неразгаданная тайна человеческого бытия и сознания, смерти и бессмертия, всего сущего. Мне кажется, что подобные встречи с шедеврами настоящего искусства будут способствовать духовному возрождению всех, кто прикоснётся к этим истокам, духовному возрождению всего народа.

K.M. Dolgov

*My Meetings and Discussions with
Sergey Timofeyevich Konenkov*